

— «Одна фраза, произнесенная Эбером», — пишет Эррио, — «была в большей мѣрѣ причиной его гибели, чѣм грубая кампанія «Пэр Дюшен». Кто может расцѣпить значение, выпавшее на долю какого-либо слова, сказаннаго Фуше на ухо тому или другому участнику заговора термидоріанцев?... Величайшее терпѣніе необходимо, чтобы выяснитъ переплетавшіяся интриги эбертистов, дантонистов, робеспьеристов. В жизни народов бывают такіе періоды, когда мѣсяцы считаются за годы, недѣли за мѣсяцы, дни за недѣли. Революція глубоко потрясла всю нашу землю. Какое в ней разнообразіе! Есть в ней сцены настолько грубыя, что от них идет смѣшанный запах вина, мочи и крови. Но есть и такія сцены, как в дни термидора, когда человѣческая энергія доходит до героизма. В арміи — патриотизм во всей его красѣ: знамена первой республики колышет чистѣйшій идеализм. У ораторов же, руководящих дѣйствіем, то безудержное злоупотребленіе метафорами, нелѣпые образы, комическое искаженіе древних образцов, то мощное краснорѣчіе, сжатое в слова, исполненныя смысла» (стр. 16).

С поправками на красоту слога, это, думаю, близко к истинѣ. Точка зрѣнія политическаго дѣятеля, хорошо знающаго по опыту как творятся в мѣрѣ историческія дѣла (все равно большія или малыя), здѣсь сходится с точкой зрѣнія историческаго романиста. Но не всякій вождь радикальной партіи рѣшился бы сказать о Робеспьерѣ и, особенно, о термидорѣ то, что сказал о них Эдуард Эррио. Подождем второго тома: в нем, вѣроятно, выяснится, что именно противопоставляет «робеспьеризму» в событіях той эпохи автор книги «Ліона больше нѣтъ». Историки французской революціи, по столѣтней традиціи, почти всегда «обожают» того или иного из ея дѣятелей. На стр. 333-ей Эррио нескользь говорить о «добротѣ» Дантона. Конечно, «дантонизм» много лучше, чѣм «робеспьеризм». Но и этот, тоже не очень новый, культ был весьма поколеблен новѣйшими изысканіями — еще при жизни его знаменитаго представителя во французской исторической наукѣ.

М. Алданов.

Victor Serge. — «Destin d'une Révolution. U.R.S.S. 1917-1937». — Paris.

Yvon. — «L'U.R.S.S. telle qu'elle est». Préface d'André Gide. — Problèmes et Documents. N.R.F.

Эти книги имѣют очень много общаго, хотя есть и разное. Общее — в описаніи и критикѣ; разное — в положительных выводах того и другого автора. Полезно быть предупрежденным относительно положительных выводов каждаго из них для того, чтобы имѣть возможность внести поправку на угол зрѣнія, под которым ведется изложеніе и критика.

Виктор Серж - Кибальчич, как был, так и остался, и послѣ продѣланнаго им тяжкаго совѣтскаго опыта, сторонником Октября, доктринером «пролетарской революціи», оппозиционером слѣва, «троцкистом». Даже пройдя чрез мучительства Чека, автор не ощущает особаго омер-

зенья и отталкиванія от професіи чекиста: он ссылається на это званіе в качествѣ свидѣтельства беззавѣтной преданности того или другого заслуженного коммуниста - «партіица».

Ивон тоже был в теченіе многих лѣт убѣжденным коммунистом и сторонником Октябрия. Однако, пережитый им опыт привел его к отталкиванію не только от сталинских «достиженій». Он пошел дальше и пришел — к отрицанію совѣтскаго «плана», как первопричины всего зла и неудач, постигших СССР. Главнаго вредителя Ивон нашел в смѣннѣвших частных капиталистов — спецах, бюрократах и технократах, призванных на службу руководящей «идеѣ - силѣ» Совѣтов — всемогущему плану. **Экономическому** плану в СССР, по мнѣнію Ивона, подчинено все и вся — до элементарнѣйшей **соціальной** справедливости включительно. План централизует и подчиняет себѣ всѣ жизненныя энергіи страны — научное и художественное творчество, жизнь и смерть людей, правила арифметики и законы логики. С господством плана связано и господство чиновничества и канцелярщины, произвольнаго прожектерства и террора. По официальным данным 34-го года, на каждыя 5 трудящихся приходится по 2 чиновника!

В своих положительных симпатіях и выводах Ивон влечется к неопредѣленно - туманному синдикально - уравнительному и безвластному царству трудящихся, свободному от эксплуатаціи и частнаго капитала, и привилегированнаго спеціалиста. Можно — и должно — откинуть положительные выводы Сержа и Ивона, нельзя не признать большой цѣнности за фактическим матеріалом, который приводится и составляет главное содержаніе той и другой книги.

Обѣ работы приводят в связную систему как личныя наблюденія самих авторов, так и наблюденія других энтузіастов, бросившихся в свое время со всѣх концов міра — из Америки, Франціи, Италіи, Бельгіи, Германіи, Австріи и т. д. — в обѣтованную страну строящагося социализма, новаго человѣка и новаго міра. Индивидуальное отличіе, в частности, Ивона состоит лишь в том, что его 11-лѣтній опыт в два - три раза превышает опыт других энтузіастов: Эндрю Смиса, Сары Грановой, Легэ и т. д., и что за эти годы он сумѣл из простаго столяра - механика превратиться в выученика высшей авіаціонной школы в Москвѣ.

В. Сержа и Ивона больше всего интересуют **условія жизни**, сложившіяся в Россіи в результатѣ 20-лѣтняго пребыванія у власти единой и единственной коммунистической партіи. Подробнѣе останавливаются они на матеріальных и морально - политических условіях существованія номинальнаго диктатора и гегемона СССР — пролетариата: чѣм питаются рабочіе, как одѣваются, гдѣ ютятся, сколько и как трудятся, какое получают вознагражденіе, как воспитывают дѣтей; в каком положеніи находится женщина, молодежь, наука, искусство, педагогика, партія, государство, террор, мѣста заключенія и т. д., и т. д.

Безотносительно к различію своих положительных выводов оба автора согласно утверждают, что то, к чему сейчас пришли коммунисты в СССР, хуже и ниже того, что было до их прихода к власти. «Люди

40-лѣтняго возраста единодушно свидѣтельствуют, — говорит Серж, — что в смыслѣ питанія, одежды, крова до (октябрьской) революціи жизнь лучше. «Громадное большинство крестьян живет болѣе бѣдно, чѣм до коллективизаціи, иначе говоря, — находится в цѣлом на болѣе низком уровнѣ, нежели до войны». О том же свидѣтельствует и Ивон.

Книгѣ Ивона предпослано предисловіе Андрэ Жиды. Прославленный писатель начинает с цитаты, взятой из книги Ивона: «Издали — это может показаться грандіозным, но вблизи это... — чрезвычайно печально». Жид от себя прибавляет: «На жи не построишь ничего прочнаго. Надо видѣть вещи такими, каковы онѣ в дѣйствительности: народ в СССР сейчас болѣе несчастен, чѣм когда - либо, болѣе несчастен и менѣе свободен, чѣм в какой - либо другой странѣ».

Октябрь начал с ленинской проповѣди разбить и уничтожить государственную машину, упразднить полицію и армію, отмѣнить бюрократію — подвергнуть выбору и отзыву все чиновничество, уравнивъ всѣх в заработной платѣ к средней руки рабочему, и т. д. А кончил — или кончает — Октябрь тѣм, что безмѣрно усилил и увеличил правительственный бюрократизм, протекціонизм, канцелярщину, военизацію и т. д. Этот процесс получил и идеологическое «оформленіе» в діалектической формулѣ Сталина - Стецакаго: «мы идем к изчезновенію государства путем усиленія государственной мощи»...

Соотвѣтственно своей доктринерской установкѣ, Серж, не взирая ни на что, находит положительныя завоеванія в пролетарской революціи: «соціализація экономики по единообразному плану тѣм болѣе замѣчательна, что капитализм продолжает пребывать в кризисѣ... Доступ к цивилизаціи отсталых в имперской Россіи народностей. Стремительный почин в дѣлѣ трансформаціи человѣка»... Если Серж и разочарован, — разочарованіе его временное и условное. Октябрь для него был и остался «дѣлом титаническим», лишь с 28-го года подвергшимся порчѣ и такой основательной, что в итогѣ — «ничего не кончено, все начинается». — Не было бы правильнѣе сказать как раз наоборот: ничего не кончилось и не началось, — все предстоит передѣлать заново?

Ивон кончает свою книгу иначе. «Трагизм не в том, что русская революція не дала ничего существеннаго низам, ожидавшим от нея всего; трагизм в том, что не дав им ничего, она могла создать новый и жизнеспособный мір. Все это приводит в отчаяніе? Нѣтъ, приводит в отчаяніе настойчивость, с которой не видят и по сей день стремятся удушить гуманныя устремленія, а не заставить новое общество (в Россіи) с ними считаться».

И заключеніе А. Жиды: «Ложь СССР слишком долго совращала с пути не только наивных, но иногда и лучших среди нас. Пусть книга Ивона поможет, чтобы у них открылись глаза». Да послужит тяжелый опыт и разочарованіе 24-лѣтняго энтузіаста Ивона уроком и предостереженіем молодежи, — напутствует Андрэ Жид читателя своего предисловія.

М. Вишняк.